

УДК 16.07

ББК 47.37

ГСНТИ 0072

Код ВАК 31.67

М.А. Клинова

Екатеринбург

**ОБРАЗ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» 1930-Х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, октябрь, образ, символ, пропаганда, 1930 гг. «Крокодил», СССР.

АННОТАЦИЯ. В работе выявлены механизмы и специфика презентации образа Октябрьской революции в текстах и иллюстрациях, помещенных на страницах журнала «Крокодил» 1930-х гг. Образ «Октября 1917 г.» являлся своеобразным символом, обладающим смыслом сакрального, эпохального. Данный образ в дискурсе 1930-х гг. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1930-х гг.

M.A. Klinova

Yekaterinburg

**THE IMAGE OF THE OCTOBER REVOLUTION
ON THE PAGES OF THE MAGAZINE
«CROCODILE» OF THE 1930-S.**

KEY WORDS: revolution, October, image, symbol, propaganda, 1930, «Crocodile», USSR.

ABSTRACT. In this work, the mechanisms and specificity of image presentation of the October revolution in the texts and illustrations are placed on the pages of the magazine «Crocodile» 1930s image of the "October 1917" was a symbol with a totally positive sense of the sacred, mythic. This way in the discourse of the 1930s featured not only as a standalone but was used to build new characters, as well as engineering in the mass consciousness of the "correct" interpretations of the events of the 1930s.

События Октября 1917 г. являются реперной точкой, маркирующей начало советского периода в истории нашего государства. В рамках отечественного идеологического и информационного пространства, содержательно трансформировавшегося на протяжении

постреволюционного столетия, существовали различные трактовки и оценки октябрьских революционных событий. Через визуальные образы, тексты, кинематографические и литературные произведения в сознании населения формировался образ Октябрьской революции. Несомненно, на протяжении прошедшего столетия, данные образы разнились. В данной работе мы попытаемся реконструировать механизмы и специфику презентации образа Октябрьской революции в СССР 1930-х гг., опираясь в качестве источника на тексты и иллюстративные материалы журнала «Крокодил»

Предпринятый анализ позволяет заключить, что в 1930-е гг. на страницах «Крокодила» упоминание или описание Октябрьской революции реализуется через исключительно положительные коннотации. Положительную смысловую нагрузку приобретает и само слово «октябрь». В частности, в изданиях журнала «Крокодил» за 1930-й г. появляются сатирические тексты и афоризмы, автором которых является Савелий Октябрев (1. С.3). Слово «октябрь» фигурирует и в специальных выпусках «Крокодила» за 1934 и 1936 г., обозначенных как «Крокодилская советская энциклопедия». В тексте энциклопедии 1934 г. название данного осеннего месяца раскрывается через политические категории революционности и анти буржуазности: *«Октябрь – единственный месяц, который может наступить в любое время года и в каждой стране. По-славянски — листопад. Название это достаточно устарело, так как в октябре падают не только листья, но и многое другое. Листья – что? Сегодня упадут, а через полгода вырастут. Из всего остального, что падает в О., ничего после не вырастет. Очень серьезный месяц. Некоторые астрологи утверждают, что О. помогает не то Сатурн, не то Венера. Опять устарелое утверждение. «Аврора» ему помогает, когда это надо. В римском календаре О. был восьмым месяцем. В буржуазных календарях он будет последним...»* (5. С.4).

Революционность, как атрибутивная характеристика «октября» подчеркивается и в «Крокодилской энциклопедии» 1936 г.: *«Октябрь – замечательный месяц. Ему принадлежит монопольное право обозначать социалистическую революцию. Это, конечно, не значит, что рабочие других стран должны расправиться со своей буржуазией обязательно в октябре. Им на месте виднее. Одни прикончат ее в июне, другие – в январе. Но все равно их июнь и январь будет по существу октябрем. Такая уж популярность у этого месяца»* (7.С.10).

Презентация «октябрьской» тематики проявляется и в использовании на страницах «Крокодила» характерных символов, связанных с революционными событиями. Актуальным революционным символом является *Аврора*, также к событиям революции и последовавшей Гражданской войны нас отсылает изображения *буденовки*, встречающиеся на страницах издания. Не смотря на сатирическую направленность журнала, данные изображения выполнены не карикатурно, а максимально реалистично, имея исключительно положительные коннотации.

В рамках советского дискурса события Октября 1917 г. презентовались как веха, обозначающая начало нового исторического периода – советского периода в истории государства. Данная тенденция читается и на страницах журнала. В издании 1936 г. СССР презентуется как страна, «открытая в октябре 1917 г.» (8. С.5). На страницах октябрьского номера журнала за 1937 г. приводятся юбилейные поздравления редакции: «Крокодил поздравляет своих читателей с замечательным праздником двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Золотыми буквами будут вписаны в историю освобожденного **человечества** легендарные подвиги и победы этих лет. ... Упорным трудом на многочисленных фронтах нашей социалистической стройки ... оправдаем высокую честь и огромное счастье быть гражданами и строителями **первой в мире** страны победоносного социализма» (11.С.2). Поздравления в праздничном номере 1938 г.: «Здесь – **единственная** страна, единственная во всем мире, где празднуют свой праздник, не тревожась о будущем, с уверенностью в завтрашнем дне. Мы привлекли к нашему советскому большевистскому празднику, и никто никогда не сможет его омрачить» (12. С.2). В приводимых текстах подчеркивается масштабность, важность революции, позволившая презентовать СССР как «первую» и «единственную» в мире социалистическую страну.

Описание события, реализуемое в торжественной, высокой стилистике сопровождается соответствующим иллюстративным рядом – изображением иллюминированных площадей, массовых демонстраций, идущих радостных людей с флагами и транспарантами, на которых читаются лозунги, прославляющие Революцию, Партию, Ленинизм (11. С.1).

В иллюстрациях журнала «Крокодил», посвященных годовщине Октября 1917 г., демонстрация трудящихся является неотъемлемым атрибутом события, подчеркивая его массовый характер, а также

фиксируя типичную практику проведения главного советского праздника – дня Великой Октябрьской социалистической революции. (4. С.17; 12. С.1). Праздничные мероприятия помимо демонстраций включали пение, танцы, постановочные спектакли (11. С.7). В одном из фельетонов журнала за 1932 г. приводится описание праздника: *«Оркестры играли: кто марш, кто лезгинку. Хоровые кружки распевали с ожесточением «Эх не даром», «Дуню». Барабанили пионеры...»* (4. С.2). Атмосфера праздника достаточно точно передана в стихотворении В.В. Маяковского, вынесенного на обложку одного из праздничных номеров «Крокодила»: *«Здесь, раздвигая дома, шестует юность сама. Пои, молодая столица, – наша страна веселится!»* (12. С.1).

Л.В. Лебедева, рассуждая о специфике советских праздников, справедливо замечает: «Они рассматривались как один из методов закрепления новой идеологии. В их основе лежала идея классовой борьбы: деления общества на «своих» и «чужих». (17.С.1785). В текстах и иллюстрациях, посвященных Октябрьской революции, рельефно подчеркивается антикапиталистическая, антибуржуазная направленность данного события. Эта тенденция реализуется посредством двух изобразительных способов: использования гротесково-карикатурных иллюстраций побежденной буржуазии и реалистичных, подчеркнуто значимых изображений, отражающих победы большевиков, а также успехи Красной армии в Гражданской войне.

Первое изобразительное направление (сатирическое) достаточно широко представлено на страницах издания. Карикатурные изображения представителей привилегированных сословий дореволюционного российского социума являются героями фельетонов и сатирических рассказов «Крокодила». В издании 1935 г. приводится карикатура на эмигранта, который, держа в руках газету «Вечерний Париж», высоко задрал нос, замечает: *« – Новые маршалы? Ворошилов... Буденный... Знаю, знаю... Встречались!.. В ноябре двадцатого года»* (6. С.4). В одном из номеров 1937 г. помещен сюжет «С точки зрения юного пионера», где приводятся карикатурные изображения «старорежимных» понятий. Обращение «его сиятельство» проиллюстрировано изображением мужчины с блестящей лысиной, а понятие «столбовая дворянка» сопровождается рисунком дворянки, привязанной к столбу (Рис. 1.) (11.С.23).

Посредством карикатурного исполнения изображаются не только собирательные образы «бывших» и «буржуев», но и реальные исто-

рические деятели. В частности, в одном из номеров 1932 г. в фельетоне «Битые карты» приведены карикатурные изображения лидеров белого движения и политиков периода 1917 г., оппозиционных большевикам. Рисунки выполнены в виде изображений на игральных картах. Карикатурные изображения сопровождаются не менее саркастическими текстами: *«Все эти люди в свое время ходили в козырях, но в настоящий момент “иных уж нет, а те – далеке”»* (4.С.10). Среди изображаемых исторических фигур генерал Деникин *«Он известен, главным образом, белой лошадыю. На этой лошади он не въехал в Москву...»*; генерал Юденич *«Он мечтал уже не о белой лошади, а о Красной Горке. Но Красная Горка оказалась слишком крутой для белого генерала»*; адмирал Колчак *«Памятника в Омске он себе не заработал»*; Врангель *«Выгодно отличался от предыдущих генералов явно выраженным баронским видом и немецким прононсом. ... полуостров (Крым – М.К.) был ему явно противопоказан Красной армией»*; Керенский *«сейчас гастролирует на сценах Парижских кабаков, но сборы неважные»*; Милюков *«вошел в историю под кличкой “Дарданельского”. Впрочем, Олегова щита ему не удалось прибить к вратам Царьграда»* (4.С.10).

В аналогичной карикатурной манере изображаются «бывшие» на страницах журнала 1940-го г. Фельетон «Советы путешественникам» дополнен иллюстрациями под заголовком «Неудачные маршруты», где изображено бегство «белых», отступающих под натиском Красной армии (Рис. 2.) (14. С.3). Карикатурность изображения в ряде случаев заменяется сатирическим текстом, направленным на высмеивание российских правителей дореволюционного периода. В качестве примера такой сатиры можно привести сюжет, помещенный в журнале «Крокодил» 1932 г., где приводится разговор пионера с отцом: *« – Папа! Говорят, на этом месте был какой-то старый дом? – Да, очень старый. Ему было триста лет и назывался он Дом Романовых»* (4. С.4).

Вторая «антибуржуазная» тенденция в изображении событий Революции и Гражданской войны, фиксируемая на страницах журнала «Крокодил», представлена реалистическими и даже эпическими изображениями, отражающими победы Красной армии. На обложке одного из номеров журнала за 1937 г. помещена иллюстрация, озаглавленная как «История с географией», на которой изображена карта, отражающая победы Красной армии в Гражданской войне – красноармейцы, со штыками наперевес, изгоняют за пределы страны бело-

гвардейцев и интервентов (10. С.1). Географическая масштабность изображения призвана подчеркнуть эпическую масштабность победы Красной армии в Гражданской войне.

В ряде случаев на страницах издания обращение к революционной проблематике реализуется посредством сочетания двух выделенных изобразительных принципов в одном сюжете, с целью максимально контрастного сравнения отжившего свое дореволюционного мира и светлой послереволюционной советской реальности. В таких сюжетах, как правило, используется обращение к хронологическому принципу выстраивания материала, который позволяет рассмотреть определенный элемент советской событийности в исторической ретроспективе. В качестве примера можно привести сюжет, помещенный в одном из номеров 1937 г., который озаглавлен «Первый ряд партера». Иллюстрация представляет собой четыре фрагмента, где в реалистической манере, изображены посетители театра (концертного зала) в 1913, 1917, 1919-м гг., четвертый фрагмент имеет название «наши дни». На первом фрагменте (1913 г.) изображены надменно-напыщенные представители привилегированных сословий дореволюционной России (их отображения, хотя и не являются утрированно карикатурными, тем не менее, оставляют неприятное впечатление). Фрагмент 1917-го г. представлен митингующими рабочими и солдатами с волевыми и сосредоточенными выражениями лиц. На рисунке 1919-го г. изображены фигуры людей, смотрящих концерт в верхней одежде. И, наконец, фрагмент «наши дни» представлен изображением людей разного возраста со светлыми, открытыми лицами, увлеченно наблюдающих за происходящим на сцене действием (11. С.9). Аналогичный прием ретроспективы использован и в другом сюжете журнала, озаглавленном как «Два родословных древа» и сопровождающимся подписью *«наглядное изображение развития нескольких поколений одной пролетарской и одной помещицье-капиталистической семей»*. На данном рисунке помещены два дерева (одно крепкое с обильной кроной, другое высыхающее), на которых помещены портреты членов данных семей. По портретам на пролетарском дереве достаточно четко читается занятость членов семьи (участие в революциях и Гражданской войне). Ожидаемым итогом является изображение вырождения помещицье-семьи и расцвет рабочей (11.С.28).

В целом использование приема антитезы, как в иллюстрациях, так и в текстах было характерно для советского дискурса (16.С.6-15). Сопоставления и противопоставления широко представлены в тек-

стах лозунгов и риторике официального дискурса: социализм – капитализм, рабочие – буржуазия и т.п. При этом данные понятия четко определены в координатах «свой–чужой», «хороший–плохой».

В рамках советского идеологического и информационного пространства образ Октября 1917 г. являлся своеобразным символом, обладающим абсолютно положительным смыслом, коннотируя к значениям высокого, сакрального, эпохального. Данный образ в дискурсе 1930-х гг. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1930-х гг. При контекстуальном взаимодействии с революционной тематикой любого явления действительности оно также осеменялось положительным смыслом, трактуясь как оправданное, верное, истинное. В свою очередь, событие, противопоставляемое революционной символике, или интерпретируемое через сочетания с антиреволюционными «буржуазными» символами, в рамках советского дискурса получает ярко выраженную негативную трактовку.

На страницах журнала «Крокодил» 1930-х гг. с использованием революционной символики конструируются образы советских экономических реалий. На обложке номера журнала за 1931 г. помещена иллюстрация, где с Октябрем связано строительство заводов (рука держит завод №519): Подпись под иллюстрацией гласит: *«К октябрю мы подготовили не плохое украшение не только своему городу, но и всему СССР»* (строительство завода в Подольске № 519 – М.К.) (3. С.1). На страницах номера за 1937 г. мальчишки, один из которых в буденовке, разговаривают о колхозах-миллионерах (9. С.1). В номере 1930-го г. помещено изображение демонстрации, шествующей с флагами на фоне табло с горящей надписью: *«Пятилетку – в четыре года»*. На переднем плане прячется человек в шляпе и очках, наблюдающий за происходящим. Подпись под иллюстрацией сообщает читателям суждения этого человека: *«– Когда взяли зимний дворец, не так было страшно, как теперь, когда они взяли такие темпы»* (2. С.1).

В конце 1930-х гг. обращение к революционной тематике на страницах издания реализуется в контексте демонстрации советской военной мощи. В сюжетах проводятся параллели Авроры и орудий советского военного флота конца 1930-х гг. «Отцы и ... дети» (12. С.4). В выпуске журнала 1940 г. преемственность военной проблематики реализуется в сюжете «О воспитании»: на странице помещено

изображение солдата-красноармейца 1917 г., ставшего генерал-майором в 1940 г. Изображения озаглавлены «воспитанник Смольного» (15. С.8).

Революционная проблематика актуализирована и в сюжетах, посвященных Конституции СССР 1936 г. В номере журнала «Крокодил» 1936 г. помещен сюжет «Голос из лужи», в котором воссоздается историческая ретроспектива побед и достижений советского государства, а иллюстративный ряд дополняет фигура постепенно тонущего «скептика». Отправной точкой является 1917 г.: «Когда большевики брали власть в 1917 г., скептики говорили: ... они провалятся. На деле, ... оказалось, что провалились не большевики, а скептики». Сюжетную линию продолжает 1919 г.: «Во время гражданской войны и иностранной интервенции ... скептики ... просчитались». 1928 г.: «Когда Советская власть опубликовала первый пятилетний план, скептики опять выступили на сцену, ... скептикам опять не повезло: пятилетний план был осуществлен в четыре года». 1936 г.: «То же самое надо сказать о проекте новой Конституции и ее критике со стороны скептиков ... нет никаких оснований сомневаться в том, что скептики провалятся и в данном случае, провалятся нынче так же, как они не раз проваливались в прошлом» (8. С.6). В данном сюжете обращает на себя внимание подпись под текстом – И.В. Сталин. Фактически на страницах «Крокодила» приведены и проиллюстрированы выдержки из доклада Сталина «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. Данный факт позволяет перейти к выводу о том, что использование образа Октября 1917 г. с целью легитимации политических явлений, а также в процессе конструирования отношения советского населения к событиям проживаемой реальности, достаточно широко практиковалось в советском дискурсе 1930-х гг., в том числе и на самом высоком политическом уровне.

На страницах издания в 1930-е гг. использовался и обратный метод – моделирование отрицательного отношения к событиям и явлениям, по средствам их противопоставления образу Революции 1917 г. В рамках этой тенденции в журнале изображены многочисленные «враги советского государства», образ которых менялся на протяжении 1930-х гг., но был актуален на протяжении всего периода. В двадцать девятом номере «Крокодила» за 1938 г. редактор журнала, поздравляя граждан с праздником Октября напишет: « ... там, в этом горящем сумасшедшем доме, именуемом капиталистическим обще-

ством, ... там точат зубы, там лелеют мечту о нападении, оттуда шлют ползучую шпионскую ... нечисть, там возятся, там готовятся, там злобствуют и шипят. Мы привыкли и. к этому. Мы привыкли отдыхать и праздновать, бодрствуя и не спуская глаз с врага» (12. С.2). Среди врагов СССР помимо белых, буржуев и шпионов, представленных на страницах «Крокодила», во второй половине 1930-х гг. появляется новый образ – фашиста, определяемый, в том числе через противопоставление революции.

На страницах журнала 1936 г. вновь помещена выдержка из речи Сталина, посвященная суждениям зарубежных политиков об СССР: *«что это за страна, вопят они, на каком основании она существует, е если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб дуду ее не было вовсе?» (8. С.5). Иллюстрация, сопровождается карикатурным изображением Гитлера, который пытается закрыть карту СССР когтистой рукой. Образ врага дополняется в 1939 г. После вхождения советских войск в Польшу в сентябре 1939 г. На первой странице сентябрьского номера за 1939 г. изображен бегущий польский пан. Изображение сопровождается текстом: «Оказывается, кроме Октября, есть еще один ужасный месяц – сентябрь» (13. С.1).*

Таким образом, предпринятый анализ изданий журнала «Крокодил» 1930-х гг. позволяет прийти к выводу, что образ революции Октября 1917 г., достаточно активно используется в дискурсе периода. В рамках советского информационного пространства события Октября 1917 г. презентовались как веха, обозначающая начало нового исторического периода – советского периода в истории государства. Описание данного события реализовывалось в торжественной, высокой стилистике, сопровождаясь иллюстративным рядом, отображающим его «антикапиталистическую» направленность. В то же время, образ Октябрьской революции в дискурсе 1930-х гг. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1930-х гг.

Источники:

1. Крокодил. 1930. № 20.
2. Крокодил. 1930. № 30.
3. Крокодил. 1931. № 27.
4. Крокодил. 1932. № 30.

5. Крокодил. 1934. № 30.
6. Крокодил. 1935. № 32.
7. Крокодил. 1936. № 30.
8. Крокодил. 1936. № 34.
9. Крокодил. 1937. № 27.
10. Крокодил. 1937. № 28.
11. Крокодил. 1937. № 30.
12. Крокодил. 1938. № 29.
13. Крокодил. 1939. № 28.
14. Крокодил. 1940. № 21.
15. Крокодил. 1940. № 22.

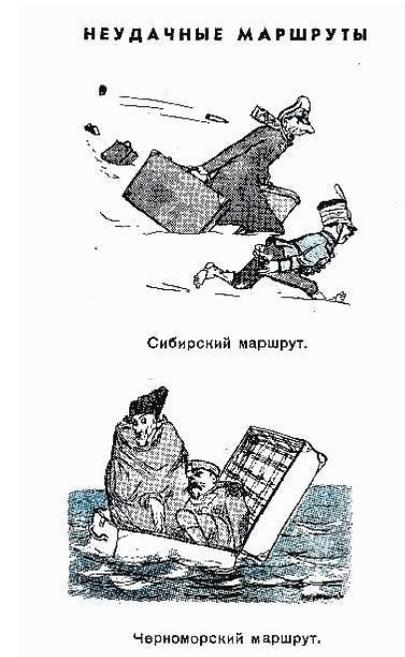
Литература:

16. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург - Пермь: ЗУУНЦ, 2005.
17. Лебедева Л.В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е гг.: новые ритуалы в процессе социального конструирования // Фундаментальные исследования: научный журнал. – № 2 (часть 8), М. 2015.

Рис. 1

Рис. 2

ББК Ч905+Ч400.51 ГСНТИ 00.72

Код ВАК 16.01

С.И. Константинов

Екатеринбург

**О ПРИЧИНАХ РАДИКАЛИЗМА СОВЕТСКОГО
И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА УРАЛА В 1917-1918 ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Февральская революция 1917 г., биографии и автобиографии большевиков, мотивы революционной деятельности.

АННОТАЦИЯ. В статье обобщаются биографические данные партийного и советского руководства Урала в 1917-1918 гг. и на этой основе сделана попытка выявить мотивацию его действий в революционную эпоху.